

В Центральном управлении уголовной полиции Норвегии есть объединенный реестр без вести пропавших. Каждый год туда поступает около тысячи восьмисот новых дел. Иными словами, пять сообщений о пропаже ежедневно. В таких делах розыск всегда ведется исходя из четырех сценариев. Самоубийство. Внезапный отъезд. Несчастный случай. И похищение...

Часть I

ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ РОБЕРТА РИВЕРХОЛЬТА

— Ну как? Что думаешь? — Милла Линд сидела, плотно сжав ноги. Она была в брючном костюме и с прической, знакомой Роберту Риверхолту по обложкам. Ее голос всегда звучал мягко и приятно, она не была напористой и болтливой, как большинство из его клиентов. Никогда не задавала вопросов для галочки, для заполнения пауз в разговоре. Милла спрашивала только о том, что действительно хотела узнать. И это ему больше всего в ней нравилось. Это, и ее глаза.

— Хорошо.

Он вернул ей страницы рукописи и откинулся на спинку кресла. Провел рукой по волосам и улыбнулся:

— С нетерпением жду продолжения.

— Гениально!

Литературный агент Миллы в Швеции, Пелле Раск, с энтузиазмом закивал с дивана, стоявшего в глубине квартиры Миллы на последнем этаже. Произнеся это, он, наконец, оторвался от своего айпада. Роберт безошибочно определил, что Пелле, со своими блестящими

волосами средней длины, зачесанными назад, и плотно облегающей рубашкой с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, точно копировал стиль продавцов таймшера* на Гран-Канарии.

Милла повернулась к дивану и, ничего не говоря, снова взглянула на Роберта.

— Я хочу закончить серию тем, что Йертруд вернется в жизнь Августа Мугабе. — Она взяла несколько прядей волос и стала накручивать их на пальцы. — И с этого момента все изменится.

Когда Роберт впервые встретился с Миллой, он принял эту ее привычку за признак неуверенности в себе. Подумал, что она страдает от низкой самооценки, и это заставляет ее кончиками пальцев искать локоны, поправлять и укладывать их. Но теперь он знал, как все обстоит на самом деле.

— Ведь пропала его дочь?

— Да, — ответила Милла.

Взгляд Роберта скользнул сквозь одно из окон в крыше, на безоблачное небо Осло. — Я думаю, это действительно будет конец проекта.

— Август напоминает мне тебя, — Милла выпустила из рук волосы и прикусила позолоченную ручку. Подержала ее в зубах несколько секунд, затем вынула и застучала концом ручки о ногу, все так же уставившись на Роберта. — Все больше и больше.

— Уфф, — Роберт выдал добродушный смешок. «Я позволил всему этому зайти слишком далеко», —

---

* Букв. «разделение времени» (*англ.*), особая форма владения собственностью на территории курортного отеля клубного типа на контрактной основе, которая дает право на ее использование ежегодно в течение определенного периода времени. — Здесь и далее примеч. пер.

подумал он и заставил мышцы лица повиноваться, чтобы не моргнуть. Слишком, слишком далеко.

— Ну, только не говори об этом никому.

Роберт подмигнул и хлопнул себя по коленям, прежде чем встать. Он кивнул в сторону Пелле на диване и направился в коридор, где остановился и обернулся. — Увидимся в Тьёме сегодня вечером. Ты собрала команду?

— Да. — Милла подошла к нему, держа страницы рукописи. — Они придут. Она остановилась и вздохнула. — Ты что-нибудь нашел? Что-нибудь новое?

— Вечером, Милла. Все вечером.

На улице все небо залило солнечными лучами. Солнце пробивалось меж домов, делая столичные улочки такими красивыми. Роберт Риверхолт оказался окончательно и бесповоротно поглощен городом после того, как вылез из беличьего колеса и начал работать на себя. Он был так очарован его архитектурой и шумом, что не заметил ни звук целенаправленно движущихся в его сторону шагов, ни тень, протянувшуюся к нему, когда завернул за угол в переулок, окруженный почтенными старыми городскими деревьями. Все, что он успел ощутить, — дуло на затылке да металлический клик бойка, выбившего кольцо пламени. И солнце исчезло.

Глава 1

Я никогда не любил переход от зимы к весне. Скрючившиеся голые деревья напоминают дикую мутировавшую поросль, пробившуюся из земли после атомной войны. Весь Ставангер утопает в нескончаемых лив-

нях, из-за которых город становится одновременно зеленым, как водоросль, и серым.

В отделении НАВ* на Клуббгата в самом центре Ставангера больше посетителей, чем в прошлый раз. Диван в комнате ожидания заполнен, на лицах людей застыло выражение крайнего скепсиса.

— Торкильд Аске.

Рукопожатие Ильяны не изменилось с нашей последней встречи. Такое же вялое и холодное, словно здороваешься за руку с трупом в морозилке.

— Очень приятно, — абсолютно неубедительно сказала она и опустилась в новое синее офисное кресло с промаркированной спинкой.

— Нет, невероятно приятно, — отвечаю я и тоже сажусь.

— Вы помните ваши дату рождения и персональный номер?

— Само собой.

Между нами стоит миска с пластиковыми бананами, такая же унылая, как и прежде. Я вижу, что им в компанию добавились гроздь красного пластикового винограда и искусственная груша, однако и с этим пополнением более фруктовой атмосфера в комнате не стала.

— Можете назвать?

Чуть раздраженная, она раскачивается на кресле вперед-назад.

Я сообщаю ей последовательность цифр, так что Ильяна, наконец, может отвернуться от моего искаленного лица к монитору компьютера.

— Значит, вы больше не хотите запрашивать выплаты на время восстановления трудоспособности, но хотите получить пособие по инвалидности?

---

* Норвежская служба занятости и благосостояния.

— Да. — Я протягиваю конверт, который принес с собой. — Посоветовавшись с ответственными лицами, я пришел к выводу, что это единственно правильный путь.

Она приподняла очки с переносицы.

— После того, что случилось, когда вы...

— Навещал сестру в Северной Норвегии прошлой осенью, да.

— Вы пытались... — Ильяна, замаявшись, посмотрела на меня, — покончить жизнь самоубийством?

— Даже дважды, — киваю я. — Вы найдете отчеты в конверте.

Ильяна покашливает и листает бумажки.

— Да. Один раз при помощи... — она отрывает взгляд от папки, — гарпуна?

— Давление было слишком сильным.

— Давление с... нашей стороны? Со стороны НАВ? Я снова киваю.

Ульф, мой друг и психиатр, решил, что пришло время замахнуться на большее. Полное пособие по инвалидности. Ульф и мой терапевт даже вместе написали письмо, где утверждают, что именно давление НАВ заставило меня пойти на работу телефонным оператором в «Форусе», и это привело к двум неудавшимся попыткам суицида, когда в первый раз я прыгнул в море, а во второй — насквозь проткнул гарпуном руку и грудь. Мы ничего не упомянули о деле, в котором я копался там, на севере. Ульф даже пригрозил пустить это в газетные заголовки, если НАВ продолжит напор на его пациента с повреждениями мозга, имеющего высокую степень склонности к самоубийству и нуждающегося в уходе.

— Ну, что же, — Ильяна листает бумаги. — В таком случае, я думаю, у нас есть все необходимое, чтобы двигаться дальше по этой части.

Она собирает бумаги, запикивает их обратно в конверт и складывает руки на коленях.

— А что дальше? — Я потер пальцами шрам на ладони. Место ранения все еще болело, особенно в дождливые дни. А в Ставангере таких много.

— Ну, — вздыхает она и сжимает кончики больших пальцев вместе. — Следующий шаг — заключение нейрорепсихолога.

— Что именно от меня требуется?

Она немного поворачивает ко мне голову, но так, чтобы наши взгляды не встретились.

— Это серия когнитивных тестов. Вам пришлют вызов в течение весны.

— Спасибо, — говорю я и поднимаюсь.

Ильяна улыбается отработанной улыбкой, такой, когда глаза не участвуют, и наклоняется над миской с пластиковыми фруктами.

— Создайте себе спокойную атмосферу. Уважайте свои ограничения. Больше никаких поездок, пока проходите комиссию.

— Больше никогда, — говорю я. Буду проводить исключительно тихие вечера дома, предаваясь глубокому созерцанию коварств жизни и службы занятости.

Ильяна слегка качает головой и поворачивается к монитору, пока я иду к выходу.

Телефон зазвонил, как только я покинул здание НАВ.

— Закончил? — голос Ульфы был напряжен, в трубке фоном слышны гул мотора и песня Арьи Сайонмаа «Jeg vil tacka livet»*.

---

* Спасибо за жизнь (*шв.*).

— Закончил.

— И?

— Меня вызовут на нейропсихологическую комиссию в течение весны.

— Хорошо, хорошо, — нараспев отвечает Ульф. — Значит, дело пошло. Отлично, отлично.

Возникает пауза, и я слышу, как Ульф включает поворотник, начав жевать от тяжелой жизни еще одну никотиновую жвачку, и подпевает: — *Det har gitt mig smärtan så att jeg kan skilja lyckan ifrån sorgen* *

Когда я приехал домой из Трумсё, Ульф забрал мои лекарства, и, чтобы подать пример, решил отказаться от своих «Мальборо». Это привело к страшному злоупотреблению никотиновым пластырем и никотиновой жвачкой. Вскоре нам обоим стало ясно, что Ульф поставил себя в очень трудное положение. Теперь он не может предаться затяжке, не пересмотрев вместе с тем мою новую лекарственную парадигму. Все это переросло в безмолвную позиционную войну, когда я жду, а Ульф жует.

— Кстати, ты собрал вещи на завтра? — спрашивает Ульф, пока я не положил трубку.

— Да. Готов как штык.

— Никаких кофеварок и прочей ненужной ерунды, как в последний раз? Не надо опять заниматься этой фигней, Торкильд.

— Только одежда и благие намерения. На этот раз никакой ерунды.

— Эта возможность, появившаяся с Миллой Линд, может оказаться для тебя последней...

---

* Мне причинили боль, чтобы я смог отличить счастье от горя (*шв.*).

— Обещаю.

— Кстати, Дорис ждет не дождется встречи с тобой. Она никогда раньше не видела исландцев.

— Наполовину, — отвечаю я. — Я только наполовину исландец, ты же знаешь это, и я там не был больше двадцати лет.

— Одна фигня. Главное, что она ждет.

— Ульф, — начинаю я, зажмуриваясь от резкого весеннего солнца, пробивающегося сквозь дождевые тучи над зданием НАВ в центре Ставангера — насчет того ужина...

— Даже не думай. Я приглашаю, ты приходишь. На этот раз никаких отговорок... *Och alla sångar som är samma sångar**... Ой, чуть не забыл, — продолжает Ульф, прервав свой дуэт с Арьей, — купи кервель.

— Что?

— Кервель. Купи кервель.

— Что такое кервель?

— Кервель, — рявкает он, работая челюстями на высокой скорости. — Это такая петрушка. Забеги в супермаркет перед приездом. Там он есть.

— А это обязательно?

— *Och alla sångar som är samma sångar*... — Да, — отрезает Ульф и кладет трубку.

Глава 2

— Ульф говорит, ты импотент? — Дорис вопросительно смотрит на меня. Мы сидели за кухонным столом на вилле Ульфа Эйгана. Его новая пассия — пятиде-

---

* И все песни одинаковы (*шв.*).

сятисемилетняя немка, сексолог и обозреватель с собственным блогом. Ульф познакомился с ней на конференции в Бергене.

— Нет! Мне так кажется! — Ульф изо всех сил рубит кервель на кухонной столешнице рядом. Он одет в широкую рубаху без рукавов, и мне виден никотиновый пластырь на его плече.

Дорис руками рвет булочку и кладет кусочки на блюде рядом с миской. Вскоре подходит Ульф с горстью кервеля и посыпает им суп. Она берет кусочек хлеба и с его помощью утапливает листочки в мутной жидкости, затем кладет его в рот и с жадностью жует.

— Скажи, ты онанируешь?

Я устремляю взгляд вниз на миску с супом и притворяюсь, будто не расслышал вопроса.

— Торкильд не онанирует, — приходит на помощь Ульф, наливая вино в бокалы и садясь между нами.

Дорис утапливает новую порцию кервеля, рассматривая меня прищуренными глазами.

— Так откуда ты знаешь?

— В этом и смысл. — Ульф слизывает зелень с кончиков пальцев. — Он не знает. Он создает себе эти препятствия, непреодолимые барьеры, чтобы не вовлекаться в жизнь за пределами квартиры. Аске бежит от всего, что зовется межчеловеческим взаимодействием.

— Современный отшельник, — говорю я в отчаянной попытке казаться веселым в этом кошмаре социального сборища. Я придвигаю к себе бокал и опустошаю его. Дорис складывает руки под подбородком. Ее волосы коротко стрижены, выкрашены в рыжий цвет и торчат во все стороны. Современная прическа, напоминающая букет цветов, сотворенный страдающим маниакальной депрессией флористом. Темно-красные уз-

кие губы, обвисшие складки светлой кожи, хотя Дорис не кажется полной или рыхлой, скорее как будто она только что похудела и кожа не успела приспособиться к новому телу. Женщина выглядит довольной и собой и своим нарядом с глубоким декольте, выбранным для сегодняшнего допроса.

— А ты пытался представить себя в сексуальном сценарии? Воображал ситуации, людей, которые могли бы вызвать в тебе сексуальную реакцию с последующей эрекцией?

— Не знаю... — отвечаю я напряженно и снова потупившись в миску передо мной. Сладковатый запах и зеленая жирная жидкость наводят меня на мысль о полной водорослей солоноватой воде. — Что... я могу сказать...

Закончив есть, Дорис выуживает из сумки сигарету и зажигает ее, а Ульф тоскующим и свирепым взглядом смотрит на конец горячей палочки.

— Ты должен осмелиться на фантазию, — говорит Дорис. — Дать волю своим желаниям. — Она откидывается назад, выпуская облачко синего дыма в потолок. — Иногда мы гасим их, думаем, что они нам больше недоступны. Подавление сексуального влечения — не сугубо женский концепт. И необязательно принуждать к этому должен кто-то другой. — Она глубоко затягивается и с наслаждением выпускает дым. — Я могу дать тебе несколько упражнений. Опробуешь, когда будешь один.

— Спасибо, — бормочу я, бессмысленно ковыряясь ложкой в супе. — Это очень мило с твоей стороны.

Ульф недовольно отворачивается от Дорис с ее дымящейся сигаретой, поглаживая пластырь на плече, и обращает взгляд на меня. — Может быть, нам стоит еще раз пройтись по тому, что ждет тебя в Осло завтра?

— Ладно, — отвечаю я, обрадованный, что тема наконец-то сменилась и что Ульф страдает так же, как и я.

— Я обожаю ее произведения, — с довольным видом сообщает Дорис. — Немногим удалось создать лучшего антагониста, чем Йертруд, жена Августа Мугабе. Кстати, ты читал что-то из книг Миллы Линд?

Я качаю головой.

— Ну, — продолжает Дорис, используя миску из-под супа в качестве пепельницы, — Милла Линд не только неоспоримая королева детективного жанра на Севере, это большая величина и в Германии тоже.

Быстро поглощая суп, Ульф не желает отставать:

— Она написала серию из двенадцати книг о полицейском-меланхолике с приторным именем Август Мугабе, чья жена пыталась убить его как минимум дважды.

— Трижды, — парирует Дорис.

— Что? — Ульф выпускает из руки ложку и раздраженно смотрит на Дорис с сигаретой. — Нет, дважды. Первый раз...

— Жена Мугабе пыталась убить его три раза. — Дорис подливает себе вина. — В первой книге она его отравляет, в четвертой поджигает его дачу, пока он лежит в кровати, накачанный снотворным, и в восьмой...

— Нет-нет, — перебивает ее Ульф. — Киллер, пытавшийся убить его в восьмой части, совершенно очевидно был нанят коррумпированным начальником Мугабе, Брандтом. Он же сам говорит прямо перед выстрелом, что это привет от старого друга. Если бы его наняла Йертруд, она бы сказала, что привет от той, кого Август любил.

Ульф смотрит на меня и усиленно кивает, словно хочет, чтобы я подтвердил его тезис. Я отказываюсь признавать какие-либо теории, выдвинутые человеком,

который встал между мной и моими таблетками, поэтому игнорирую его и оборачиваюсь к Дорис.

— Именно потому, что он говорит это, мы и понимаем, что убийцу подслала Йертруд, — возражает Дорис. — «Привет от старого друга» — это просто удар напоследок от женщины под семьдесят, которая до чертиков презирает мужчину, отказавшегося дать ей ребенка. Так же, как и холодная картошка, которую она всегда подавала ему на ужин. Яркая символика бездетной женщины, убитой горем и переполненной гневом.

Ульф причмокивает и жует. — Хм, да, может ты и права. — Он снова поворачивается ко мне. — Как ты уже знаешь, последний консультант Миллы был застрелен на людной улице своей бывшей женой полгода назад. Милла восприняла это очень тяжело и с тех пор не работает. На курсе терапии я познакомился с ее лечащим психиатром. Милла с ее консультантом едва начали работу с материалом, когда он погиб, и ей нужна помощь, чтобы закончить все перед тем, как она примет за последнюю и ключевую книгу об Августе Мугабе. Читатели всего мира ждут эту книгу, Аске.

— И тут вступаю я? — делаю я вывод. — В качестве детективного консультанта, или как там это называется.

— Десять дней с самым крупным детективистом страны, за три с половиной тысячи крон в день, — добавляет Ульф и поднимает бокал в немом тосте.

— Уж лучше так, чем отливать свечи на охраняемом предприятии на болоте Аугленд по направлению НАВ, — отвечаю я.

— В любом случае, пройдет несколько недель, прежде чем тебе нужно будет идти на нейропсихологическую комиссию, так что это настолько безопасно и спокойно, насколько только может быть. Ездить повсю-

ду с самой Миллой Линд, это тебе не рецепт, который я могу выписать всем своим пациентам.

— Спасибо, — отвечаю я сухо и опустошаю бокал. — Мне нужны деньги.

— Черт возьми, мы это сделаем, — запекает Ульф и обращается к Дорис. — Кстати, думаю, Йертруд предпримет последнюю попытку убить Августа Мугабе в заключительной книге. И серия закончится ее победой. А что? Разве это не было бы отличным финалом?

— Без сомнений. — Дорис достает новую сигарету. — На меньшее я не согласна.

Ульф демонстративно откидывается на стуле с миской супа в руках и допивает остатки.

— Ты встречаешься с ними завтра в час в «Бристолле», — продолжает он, наконец допив суп. Он достает пачку никотиновой жвачки из кармана брюк, выдавливает штуки две или три и кладет в рот. — Самолет в Осло вылетает в полдевятого, так что будь молодцом, поставь будильник. Я в любом случае позвоню, чтобы убедиться, что ты готов. Кроме того, мы можем пройтись по твоему списку лекарств, если хочешь.

— Ты знаешь, чего я хочу, — холодно отвечаю я и отставляю бокал.

— То время прошло, — отвечает Ульф, прочищая рот языком и постукивая пальцами по подлокотнику. — Для нас обоих.

Затем он встает и начинает убирать со стола.

— Об этом ты позаботился в Трумсё. Но если ты к этому не готов, я уважаю твое мнение. Как-никак меньше полугода назад ты горел в огне, и мы вполне можем...

— Нет, я хочу, — отвечаю я. — Я просто подумал, что неплохо было бы иметь что-то в запасе, может хотя бы пачку «Оксинорма» или...

— Забудь. «Нейронтин», «Риспердал» и «Ципралекс» от страха. Никакого «Собрила», никаких окси. Мы договорились.

— «Ципралекс» только для котят.

Ульф делает гримасу и выплевывает жвачку в раковину, сразу же достает две новые.

— Твою мать, а как ты думаешь, для кого вот это? — Он показывает мне ладонь, на которой лежит жвачка. — Мы оба решили пожертвовать чем-то ради нашего здоровья. Я справляюсь, значит и ты справишься.

— А если я не смогу уснуть?

— Выпьешь чашку ромашки и напишешь об этом стихотворение.

— А это не опасно, Ульф, посылать его туда с одним только «Ципралексом»? — Дорис кладет тлеющую сигарету в миску.

— Отнюдь. Именно из-за того, что случилось в последний раз, я не даю ему таблетки, которые он хочет. — Ульф фыркает и бросает жвачку в рот.

Я удрученно качаю головой и поднимаюсь, чтобы уйти. Дорис подходит и кладет мне руку на плечо.

— Насчет того, о чем мы говорили. Может быть, ты найдешь время на поиск пути обратно к твоей сексуальности, пока будешь путешествовать. Проверь, осмелишься ли ты проявить любопытство, фантазируй и обдумывай это. — Она остановилась на мгновение, посмотрела на меня с полуулыбкой и спросила: — Как думаешь, тебе этого хочется?

— Ульф говорит, фантазировать опасно, — отвечаю я.

— Ну, — она растянула губы так, что складки в уголках рта слегка разгладились. — Нужно всегда обдумывать то, где фантазия застает тебя и, что не менее важно, какие именно фантазии ты себе позволяешь. Но их

можно и держать в себе, знаешь ли. Пока ты чувствуешь, словно они дают тебе что-то и не вредят ни тебе, ни другим.

— Ты права. — Я выдаю ей подобие улыбки и короткое рукопожатие. — Пока они не навредят, да.

Глава 3

Автобус номер девять в Танангер пуст, кроме меня и водителя никого. На улице темно, желтые фонари быстро мелькают в окнах, а автобус слегка покачивается из стороны в сторону, будто корабль плывет сквозь мягкий весенний вечер. На деревьях появились листочки, мать-и-мачеха пробивается на границе асфальта и пешеходной тропинки, а мы выезжаем из города и едем на запад.

Я выхожу на остановке прямо около старой часовни. Парковка пуста. Маленькие огни светятся сквозь живую изгородь, идущую перед зданиями.

Как только выхожу на дорожку, ведущую к кладбищу, останавливаюсь. Передо мной свежие коричневые холмики земли с цветами, надгробными камнями с золотыми надписями, ангелами и птицами, слабо освещенные стеклянными фонарями и факелами. По безлунному небу с моря быстро плывут вереницы облаков. Я бывал здесь много раз с тех пор, как вернулся из Трумсё. Первый раз я остался стоять здесь, не заходя на само кладбище.

Я держусь края дорожки и иду между табличек, пока не подхожу к нужному месту. Слабое дуновение ветра заставляет меня остановиться, и я различаю ее надгробный камень. Номер четыре от тропинки, с фо-

нариками с обеих сторон. Только один из них горит. Я стою неподвижно, устремив взгляд на черный камень.

— Лучше всего оно в темноте, — вдруг раздается голос сзади.

— Что? — я резко поворачиваюсь и смотрю в узкие глаза пожилого мужчины в коричневом пальто и шляпе. Он стоит на несколько шагов позади меня, держа на поводке лохматую собаку.

— Извините, что вы сказали?

— Кладбище, — мягко отвечает он. — Я тоже люблю ходить сюда по вечерам. Оно не выглядит таким оголенным в темноте. И еще мне кажется, фонари делают его таким красивым, даже во время дождя и ветра.

— Да. — Я плотнее прижимаю воротник к горлу. — Фонари красивые.

— У вас тут семья?

— Нет, она... — начинаю я, но останавливаюсь.

— Вон моя жена, — мужчина кивает в сторону одного из камней на другой стороне. — Скоро семь лет как я вдовец. Дочь предложила завести собаку, — он улыбнулся животному у своих ног. — Для компании. Хорошо, что кто-то заполняет пустое пространство, до того дня, когда мы снова встретимся. — Он смотрит на меня взглядом, полным святой убежденности в своей правоте. — В раю.

Я слабо киваю.

— А у вас есть собака?

— Что?

— Собака есть у вас?

— Нет, я предпочитаю таблетки.

— Вот как? Помогают?

— Я и сам не знаю, — бормочу, взглядом ища могилу Фрей.

— Ну что ж, — вздыхает мужчина, когда собака дергает и тащит его за собой на поводке. И они исчезают в темноте.

Жду некоторое время, затем делаю шаг на мягкую тропинку. Земля сразу кажется холоднее, словно ветер еще не ослабил свою хватку, и я тороплюсь вернуться на дорожку. Я выбегаю с кладбища и возвращаюсь к парковке.

Глава 4

В Осло сыро, весенний воздух холоднее, чем дома, в Ставангере, где уже начал витать над городом аромат коровьего навоза. В ресторане отеля «Бристоль» меня направляют в гардероб, там женщина забирает мою куртку и дает номерок. Я возвращаюсь обратно ко входу. В «Зимнем саду» и «Баре библиотеки» полным-полно людей, звучит пианино, сильно пахнет молотыми кофейными зернами и котлетами с жареным луком. Взгляд скользит по толпе, и наконец я замечаю женщину и двоих мужчин за столиком, частично скрытым за группой растений в больших горшках. Женщина улыбается и машет мне, а мужчины изучают меня с умеренным любопытством.

Я неловко машу в ответ и начинаю двигаться по направлению к ним.

— Вы, должно быть, Аске, — говорит женщина и поднимается, когда я подхожу к их столику. — Мы вас ждали.

Я киваю и жму ей руку.

— Эва, — представляется женщина. — Я редактор Миллы в издательстве.

— Торкильд Аске.

— Пелле Раск, — говорит более молодой из ее спутников, не вставая. — Я агент Миллы. Мы в «Густавссоне» занимаемся продажей прав за границей.

— Халвдан, — представляется второй мужчина и поднимается, чтобы поздороваться. — Директор издательства.

— После вы поедете дальше в Тъеме? — спрашивает Эва, когда все мы наконец усаживаемся.

— Да. Таков план.

— Хорошо, хорошо. — Халвдан берет вилку и бросается на двухэтажный кусок наполеона. — Вот увидите, все будет хорошо.

— Я думаю, она очень ждет встречи с вами, — говорит Эва. — Но мы все же подумали, что стоит сначала обсудить некоторые детали перед тем, как вы встретитесь.

Подходит официант с маленьким кофейником и чашкой и ставит их передо мной.

— Итак, — начинает Халвдан, уписывая торт. — Значит, вы бывший главный офицер по допросам в особом отделе полиции. — Он держит пустую вилку в воздухе и смотрит на меня из-под кустистых бровей, ожидая комментариев.

— Все верно. Но теперь уже нет, — добавляю я. — Все трое изучающе смотрят на меня и кивают. Они явно в курсе моей истории. — Суд лишил меня должности после одного эпизода несколько лет назад, и мне пришлось отсидеть чуть более трех лет в тюрьме Ставангера.

— А теперь вы фрилансер, — заключает директор издательства, снова отломив кусочек торта и взяв его в рот и направив вилку в сторону Эвы. — Помнишь, это же Викнес-Эйк написал эссе о том, каково быть осужденным за свои грехи.

— Да. *Грехопадение*. — отвечает Эва, пригубив вина из бокала. — Трогательно.

— Грехопадение, да. Душераздирающее произведение. — Халвдан размахивает перед нами вилкой, словно скипетром. — Вы его читали?

Я отрицательно качаю головой. Я мог бы сказать, что кое-что знаю о том, каково это — упасть лицом в грязь, разрушить карьеру и утратить душевный покой; что дома в Ставангере у меня есть психиатр, который полагает, что я продолжаю падение, но я не был настроен показаться жалким на первой же встрече, и уж тем более не считаю «Зимний сад» и «Бар библиотеки», где сама атмосфера предполагает сдержанно остроумную, вежливую болтовню подходящим местом для хирургической откровенности.

Директор издательства медленно вращает вилку вокруг своей оси и прикрывает глаза.

— Он демонстрирует основополагающее для него отрицание наказания и срока, романтизируя общество, в котором на самом деле понятие возмездия — в крови.

— В глазах моих вы увидите мои преграды, — добавляет Эва.

— Да, да, — поддакивает директор. — Точно, да.

— Вам придется подписать согласие о неразглашении, — начинает шведский агент Миллы. — Оно подразумевает не только полное молчание обо всем, что вы узнаете о следующей книге Миллы и ее содержании, но также и о том, что вы узнаете о самой Милле и ее личной жизни.

Я киваю.

— Расскажите мне о Роберте Риверхольге, — прошу я и делаю глоток кофе. — О предыдущем консультанте Миллы. Я так понимаю, что его...

— Застрелили, — вставляет директор. — Ужасное дело. Оно повергло в шок нас всех.

— Риверхолт был бывшим полицейским с проблемной личной жизнью. — Пелле оттопыривает палец над ручкой своей чашки. — Его жена была больна, она выстрелила в него на людной улице, уехала прочь и покончила жизнь самоубийством на парковке около озера Маридалсванне.

— Эта трагедия не имеет никакого отношения ни к издательству, ни к Милле. — Эва слегка накрывает мою руку своей. — Но я понимаю ваше беспокойство. Это очень отразилось и на Милле. Она не написала ни единой...

— Ну что же, — быстро кашляет Пелле и, взяв стопку бумаг, пододвигает ее через стол. — Вы могли бы просмотреть бумаги и подписать, прежде чем мы продолжим.

Я беру документы и начинаю читать, пока директор издательства кивает группе проходящих мимо мужчин.

— Для начала, речь идет о неделе, — говорит Пелле, когда я заканчиваю, и протягивает ручку. — Мы заплатим половину гонорара вперед, остальное по окончании времени действия контракта. Если возникнут какие-то промедления или вы понадобится Милле на более долгий срок, мы продолжим работу по тем же ставкам, если вас это устроит. Мы также покроем расходы на дорогу и позаботимся о ваших счетах.

— Итак, — директор откладывает вилку на блюде после того, как я подписываю и возвращаю заявление о неразглашении. — Вы наверняка хотите узнать, о чем же здесь идет речь?

Я киваю. На самом деле я очень хочу узнать, какой именно помощи ждет эта Милла Линд от меня.

Но больше всего мне интересно, на что надеюсь я сам. Что произойдет, когда работа будет выполнена? Неужели я правда думаю, что Ульф встретит меня в аэропорту с распростертыми объятиями и задним карманом, полным рецептов, и скажет: *Вот и наш Торкильд, хороший мальчик, вот твои «Собрил» и «Окси», оторвись по полной, передай привет Фрей и своей комнате, увидимся на том свете.* Потому что единственная причина, по которой я оставил дом, это ощущение того, что предстоящее дело что-то изменит во мне.

— Вы знакомы с книгами об Августе Мугабе?

— Нет, вообще нет.

— Ну что ж, Милла Линд — один из наших самых продаваемых авторов, ее книги изданы более чем в тридцати странах, и в мире их продано почти десять миллионов. В связи с выходом ее нового романа «Сердце ласточки», мы, издательство, сообщили прессе, что Милла начала работу над последней книгой серии об Августе Мугабе. Они едва взялись за проект, как Роберт погиб.

— С тех пор она ничего не писала, — говорит Эва. — Милла погрузилась в глубокую депрессию, и только совсем недавно почувствовала себя в силах вернуться к проекту.

— Милла и Роберт откопали реальное дело об исчезновении, — говорит Пелле. — И собирались использовать его как основу книги.

— Какое дело?

— Две пятнадцатилетние девочки осенью прошлого года пропали из детского дома недалеко от Хёнефосса. Они сели в машину около приюта утром, и с тех пор их никто не видел. Полиция думает, они собирались на Ибицу, в то же место, куда убегали годом ранее.

— Вообще это довольно хитро, — хмыкает издатель. — Оказывается, что дело в книге Миллы напрямую связано с отношениями между Августом Мугабе и его женой, которая как минимум дважды совершила на него покушения.

— Разве не трижды? — спрашиваю я.

— Так значит, вы все-таки читали, — громко смеется издатель. — Знаете, сама Милла не хочет ни отрицать, ни подтверждать, что за выстрелом из пистолета в «*Постели из фиалок*» стоит жена Августа Мугабе.

— С тех пор, как убили Роберта, все заморожено, — говорит Эва, чтобы вернуть разговор в нужное русло. — Важно, чтобы Милла начала работу.

— И тут вступаете вы, — добавляет Пелле. — Вы займете место Роберта. Работа заключается в расшифровке полицейских отчетов, помощи в технических вопросах и так далее. Важно подчеркнуть, что это не расследование, только исследовательская работа для книги Миллы.

— Звучит очень интересно, — лгу я.

— Да, само собой, — отвечают все трое хором, и директор поднимается. — Пелле, Эва, уладьте все с поездкой, у меня встреча в два. Он перегибается через стол. — Аске, удачи, — заканчивает разговор Халвдан, крепко жмет мне руку и уходит.

Глава 5

Поездка на автобусе до Тъёме заняла два с половиной часа. Мы договорились, что меня встретят и отвезут в летний дом Миллы Линд, который находится где-то между скал в островной коммуне на самом юге, с западной стороны Осло-фьорда. В автобусе я решил занять

время чтением одной из книг Миллы Линд. Роман называется «Щупальца каракатицы» и рассказывает о находящемся на пенсии и пребывающем в глубокой меланхолии следователе Августе Мугабе и его жене, одержимой ненавистью к нему.

Я уже перевалил за середину книги, когда мы добрались до центра Тьёме, и даже успел привязаться к потрепанному жизнью следователю, удрученно бродившему по деревянным постройкам Сандефьорда в поисках человека, совратившего и похитившего единственную дочь судовладельца.

— Ну и ну, — говорит мужчина на смеси шведского и норвежского, как только я выхожу из автобуса. В одной руке он держит два полных пакета из винной монополии. Он обнажает два ряда белых как мел точеных коронок, и улыбка застывает на его загорелом, обколотом ботоксом лице. — Вы... Торкильд? Полицейский?

— Бывший полицейский. — Я беру его свободную руку и слабо пожимаю. — Рад знакомству.

— Йоаким, — с энтузиазмом произносит мужчина. — Йоаким Бёрлунд. Сожитель Миллы.

Несколько секунд мы стоим и смотрим друг на друга, он пышет энергией и всюю улыбается, а я натянул доброжелательную полуулыбку, которую отработывал в последнее время.

— Ну что же, — начинает Йоаким и тут же останавливается, словно энергия вдруг покинула его. — Будем только мы с вами, — продолжает он, вновь воодушевляясь. — Еще рановато ставить вентери на крабов. До середины лета будет одна вода и мерзкая мешанина. Но мы достали несколько хороших мясистых тварюг из магазина, — говорит он, кивая на супермаркет «Спар» рядом. — Ведь нельзя же отдыхать за городом

и не съесть свежего краба и не выпить белого вина, правда ведь?

— Это было бы неслыханно, — соглашаюсь я.

Йоаким поднимает пакеты и собирается сказать что-то смешное об алкоголе, но передумывает, натянуто улыбается и наконец разворачивается, указывая на машину, красную «Вольво» типа SUV*, со сверкающе чистыми ободами и глянцевым лаковым покрытием.

— Тут всего ничего ехать до Верденсэнде**, — говорит Йоаким, когда мы садимся в машину.

— Извините, — я поворачиваюсь к нему, — что вы сказали?

— Край света. — Йоаким нажимает кнопку зажигания двигателя. — Наша дача находится на южной окраине Тьёме. Место называется Верденсэнде.

— Вы шутите?

— Нет, — Йоаким как будто задерживает дыхание, преувеличенно улыбается, сжимая и отпуская руль. Кажется, ему постоянно некомфортно, или это так только в моем присутствии. — Место называется Верденсэнде, — продолжает он напряженно. — Клянусь вам.

— Странное название, — говорю я, поворачиваюсь и смотрю вперед.

— Да, наверное, так. — Йоаким тяжело выдыхает, снимает одну руку с руля и переключает скорость, осторожно выезжая с парковки.

— Кстати, а чем вы занимаетесь? — спрашиваю я, когда мы проезжаем мимо поля для гольфа справа от дороги. Трава на лужайках зеленая, деревья покры-

---

* «Спортивно-утилитарный автомобиль» (англ.), тип внедорожников, используемый в основном в городе и на асфальтированной дороге.

** Край света (норв.).

ты листвою. Кажется, словно лето пришло в эту часть страны уже давно.

— Я? — Он посылает мне короткий взгляд, прежде чем ответить. — Сейчас я в основном помогаю Милле строить карьеру. Интервью, пресс-туры, чтения, поездки, письма от фанатов со всего мира и целая куча другой дерьмовой работы. Раньше я управлял турфирмой в Стокгольме. Пакетные туры в Азию и Южную Африку. В таком туре я и познакомился с Миллой пять лет назад.

— Любовь с первого взгляда?

— Именно. Милла — лучшее, что случилось со мной. — Он с силой кивает самому себе, словно чтобы подчеркнуть только что сказанное.

— Расскажите о моем предшественнике, Роберте Риверхольте, — прошу я, пока Йоаким тормозит и включает поворотник. Он напоминает мне бабушку в слишком большой для нее машине, где приходится крепко держаться изо всех сил во время езды.

— Милла очень тяжело восприняла смерть Роберта, — начал Йоаким. — Машина делает рывок вперед, как только он нажимает на газ. — С тех пор она не писала и не делала вообще ничего, и именно мне пришлось позаботиться о том, чтобы удержать все на плаву. Он тяжело вздыхает. — И вот вы здесь. И мы снова готовы.

Дача оказалась гигантским швейцарским коттеджем, со всех сторон окруженным просторным садом с высокими деревьями. Сквозь листву виднелось море и отполированные им скалы.

— Идем, — говорит Йоаким, когда я останавливаюсь у каменной лестницы, ведущей к главному входу. — Посмотрим, найдем ли мы Миллу.

Пол выложен каменной плиткой, а стены обшиты деревянными панелями. Зайдя внутрь, я вижу несколько

больших комнат, наполненных светом из швейцарских окон. Мебель или новая и белая, или старая и необработанная. Каждая комната являет собой идеальный образец стиля рустик*, который возможно создать только за большие деньги и с помощью дизайнера интерьерера.

Я следую за Йоакимом через гостиную с обеденным столом, камином и стеклянными дверями прямо в кухню, из которой есть отдельный выход наружу с задней стороны виллы. Йоаким кладет пакеты с покупками на столешницу и, вынимая из них бутылки с вином, ставит их одну к другой.

— Вот ты где, — раздается мягкий голос за моей спиной. Я поворачиваюсь к двери, ведущей на улицу, и вижу женщину моего возраста, стройную, красивую, со свежеекрашенными в разные оттенки блонда волосами. Что-то есть в ее глазах, во взгляде, не сочетающееся с остальной внешностью. Она смотрит на меня, но при этом словно не видит.

— Я тут. — Йоаким подходит к ней и берет за руку. — Это Торкильд Аске. — Он осторожно ведет ее ко мне.

— Здравствуйте, Торкильд. — Она поворачивается к бутылкам с белым вином, берет одну и читает этикетку. — Все ждут книгу, — начинает она, изучая бутылку, — но я уже очень долго в таком плохом состоянии, что не могу найти силы закончить хотя бы что-то.

— Я понимаю, о чем вы.

— Правда? — Милла с любопытством смотрит на меня.

Я киваю.

— Иногда случаются вещи, из-за которых время замедляется или вовсе останавливается, и оказывается

---

* Разновидность деревенского стиля.

сложно понять, что нужно сделать, чтобы заставить часы тикать снова.

Она слабо качает головой, продолжая смотреть на меня.

— И что же делать?

Я пожимаю плечами.

— Найти способ пережить время ожидания. — Я замечаю, как вкус желатина расплзается по языку от одной только мысли о таблетках, которые я когда-то принимал. Я мог бы добавить, что мало что лучше, чем фармацевтика, подходит для того, чтобы сделать ожидание сносным, но эти маленькие зрочки, эти чуть замедленные движения мышц и ее тон говорят мне о том, что она уже весьма хорошо об этом осведомлена.

— Я так понимаю, вы были больны, — Милла отставляет от себя бутылку и опирается на кухонный островок. — Из-за погибшей женщины?

— Да.

— Может быть, они думают, что с вами будет по-другому. Two wrongs will make a right*? Как вы думаете?

Я собираюсь что-то сказать, но Милла Линд уже отвернулась. Указав на одну из бутылок вина, она говорит Йоакиму:

— Эту можешь сдать обратно. Она не годится.

Она снова поворачивается ко мне, берет за руку и ведет через стеклянную дверь на просторную террасу.

— Все эти люди, кружащие около меня в ожидании книги, жаждущие узнать, что же случится в конце с персонажем, которого я выдумала... А тем временем Роберт лежит на кладбище, не более чем в полуметре от убитой его женщины. Никто этого не понимает, —

---

* Минус на минус даст плюс? (англ.)

говорит она и отпускает мою руку. — Но я дам им то, чего они так ждут, — продолжает она. — Закончу работу, допишу эту книгу. А потом, после этого... — Она останавливается на секунду, а ее взгляд устремляется мимо высоких деревьев к беспокойной поверхности воды, — ...с меня хватит.

Милла идет к пристройке, которая тянется стеной к стене с главным зданием. Ее глаза раскрываются шире. Словно эта небольшая прогулка окончательно ее разбудила.

— Пойдемте, — говорит она. — Я расскажу вам о том, над чем мы с Робертом работали.

Глава 6

Милла раздвигает стеклянные двери и проводит меня в свой кабинет в пристройке.

— Писательская гостиная — это мое место. — Она закрывает двери, садится за письменный стол и, поправляя одной рукой прическу, другой включает компьютер. — Мы с Робертом едва успели начать исследование для новой книги, — начинает она, наклоняется вперед и вводит пароль. Свет монитора замерцал на ее лице. — Обнаружили реальное дело об исчезновении, которое собирались использовать в качестве основы для книги.

— В этом деле есть что-то особенное?

Милла кратко качает головой, не отрываясь от монитора.

— Информация мелькала в СМИ, девочек до сих пор не нашли. Речь идет о двух юных девушках, сбегавших из детского дома неподалеку от Хёнефосса семь месяцев назад. Оно привлекло наше внимание,

когда мы с Робертом просматривали актуальные дела на предмет исследования. Потому что девочки были совсем юные, им всего пятнадцать.

— А чем я могу помочь?

— Мы должны поговорить с их близкими и полицией, кроме того, вы поможете мне интерпретировать данные и понять ход этого дела. Я знаю, вы раньше работали главным дознавателем, и мне кажется, это может быть очень полезно в психологическом плане.

— Как близкие относятся к тому, чтобы поговорить с нами?

— Роберт встречался с родителями одной из пропавших девочек, они ценят любую помощь и рады, что о деле просто не забыли.

— А вторая девочка?

Милла качает головой. — У нее нет родственников.

— Никого?

— Совсем. Кстати, у меня есть для вас папка. Лицо Миллы исчезает за экраном, и я слышу, как она копается в одном из ящичков письменного стола, а затем появляется снова. Она медлит секунду и двигает папку ко мне.

— Почему она его убила? — спрашиваю я и беру в руки папку с пометкой *Роберт Риверхольт*. — Жена Роберта. Почему она застрелила его?

Милла собирается сказать что-то, но качает головой. Перебирает прядки волос между пальцами. — Камилла была больна, — наконец говорит она.

— Больна?

— Боковой амиотрофический склероз — дегенеративный синдром, парализующий нервы в позвоночнике и мозге. Ей поставили этот диагноз, когда Роберт еще работал в полиции. Он рассказывал, что они уже

собирались расходиться, но он решил остаться с ней, насколько хватит сил. В конце концов он не выдержал.

— Значит она убила его потому, что он собирался оставить ее?

— Да, — коротко отвечает Милла и частично отворачивается от меня к книгам на стенной полке. — Она не могла жить без него.

— Почему полиция считает, что пропавшие девочки уехали на Ибицу? — спрашиваю я, листая папку Роберта по делу об исчезновении.

— Девочки и раньше убегали. — Милла кашляет, когда мы наконец встречаемся взглядами. — Тогда они поехали на Ибицу.

— Ладно, — я продолжаю листать папку. — Так какой у нас план?

— Завтра мы с вами едем в Хёнефосс навестить тот детский дом, а также мать Сив, одной из девочек. Они ждут нас.

— Зачем? — я кладу папку на стол между нами.

— Что зачем?

— Я хочу сказать, если мы не будем ничего расследовать, если все, что нам нужно сделать, — порыться в помертвой памяти об этих двух девочках, зачем тогда вам нужен я, или Роберт до меня? Разве это не то, что писатель может сделать сам, сидя здесь, в своем кабинете?

Милла долго смотрит на меня и наконец кивает в сторону моего шрама, начинающегося от глаза и бегущего по впадине между челюстью и скулой, где он прерывается, а затем дополняется рассеченной верхней губой, которая никогда не касается нижней, даже если рот закрыт.

— Откуда у вас это?

— Авария. — Я отворачиваю от нее изуродованную сторону лица. — Ульф говорит, мне больше не нужно об этом говорить.

— Болит?

— Только когда я один. Или вместе с другими.

Она наконец улыбается.

— Вы правы, — говорит она, откидываясь на кресле. — На самом деле я могла бы написать все сидя здесь. Прочитать в интернете о делах об исчезновении, потом выбрать несколько подходящих персонажей из бессознательного, дать им имена, лица и истории. Но это дело другое.

Она собирается сказать еще что-то, но вместо этого вздыхает и отворачивается к окну, за которым кроны деревьев слабо покачиваются на ветру, задувающим с моря.

— В каком плане другое?

— Просто оно другое, — повторяет Милла и несколько раз с усилием моргает. — Кстати, Йоаким вам все обустроил в лодочном домике, — продолжает она и указывает на лес, находящийся ниже ее писательской гостиной. Там я вижу контуры белого здания, прямо у прибрежных скал. — Начнем работать завтра утром.

Глава 7

Гостиная в лодочном домике обставлена комплектом плетеной мебели. Из огромного панорамного окна открывается вид на море. Единственное, что относится к морской атрибутике в комнате, — какие-то сокровища морей, висящие на белых стенах и на открытых балках потолка. Я усаживаюсь в одно из плетеных кресел и начинаю листать папку, которую дала мне Милла.

В ней множество газетных вырезок, фотографии пропавших девочек и документы по делу.

Сив и Оливии было по пятнадцать, когда они исчезли из детского дома недалеко от Хёнефосса шестнадцатого сентября прошлого года. Последний раз их видели, когда они садились в неустановленную машину у автобусной остановки рядом с детским домом. Полиция полагала, что они уехали на Ибицу: девочки уже убежали туда однажды, и тогда их вернули домой с помощью полиции и организации по охране детства неделю спустя. Но на этот раз не было зарегистрировано ни единого следа с того самого утра, как они сели в машину и исчезли.

Я беру фотографии пропавших девочек. У Сив светлые волосы до плеч и узкое лицо с толстым слоем косметики, а у Оливии короткостриженные густые волосы цвета воронова крыла, резко выступающие скулы и красивые глаза, подчеркнутые широкими стрелками. Все снимки Сив и Оливии практически идентичны: две девочки-подростка с чрезмерным макияжем и выражением лица «да пошло оно все к черту» — статичная маска, как у модели в журнале, с обязательными губами уточкой и широко раскрытыми глазами куклы. Только взгляд каждой из девочек не вписывается в этот образ: слишком холодный и безжизненный. В таком взгляде читается, как много они видели, пережили и потеряли.

От осознания того, что мы даже не будем расследовать это дело, мне становится только хуже — я деградировал до того, что вынужден копать в человеческих судьбах в поисках интересной истории. Мне вдруг пришло в голову: все, что принесет мне грядущая неделя с Миллой Линд, — лишь продолжение цепи неудач.

Я кладу фотографии на стол и откидываюсь на спинку кресла. Фрей так и не вернулась, даже после того, как

меня выписали из больницы в Трумсё и я приехал домой в Ставангер. Ульф говорит, это знак того, что повреждение мозга в миндалевидном теле* не ухудшилось, и добавляет, что место Фрей в могиле и она не ледяной кусок плоти, который я мог бы вызвать на свет божий оксикодоном и бензодиазепинами. Он считает, что отсутствие таблеток и Фрей сделало меня одиноким, что я ржавею от недостатка общения. Я мог бы сказать про себя, что я один, а не одинок, и здесь есть разница, но мы оба знаем, что проблема на самом деле не в этом.

Меня положение в кресле, я вновь бросаю взгляд на фотографии Сив и Оливии на столе.

— Куда же вы собирались в тот день? — бормочу я, затем отворачиваюсь и закрываю глаза.

Глава 8

Этого дня я ждала с тех пор, как мне исполнилось три года. Сив беспокоится, стоит рядом со мной, курит, сжимая пустую сигаретную пачку, и одновременно говорит. Солнце уже встало, от его тепла тает иней на замерзшей траве около автобусной остановки. Скоро его лучи достигнут парковки на другой стороне дороги, где под окнами общей комнаты стоит машина сторожа.

Я открываю рюкзак. Там практически ничего нет. Сив загрузила свой игрушками, косметикой и одеждой, а мой почти пуст, потому что я знаю — вечером, когда солнце сядет, все это старое барахло уже не будет абсолютно ничего значить. Этот осенний день — един-

---

* Область мозга, играющая ключевую роль в формировании эмоций.

ственное, что имеет хоть какой-то смысл, потому что он первый и в то же время последний.

— Вон там, — Сив тушит окурок о перекрытие остановки.

Черная машина, выскользнув из-за угла, направляется к нам. Сив бросает пустую пачку и поднимает рюкзак.

— Ты готова?

— Да, — киваю я и кидаю последний взгляд на здание на противоположной стороне дороги. — Я готова.

Глава 9

Видимо, я уснул в кресле. Когда проснулся, солнце уже ушло. Поверхность моря покрыта волнистыми линиями, периодически подкатывающимися к скалам. Деревья скрипят, а ветви шелестят листвой. Мне холодно, я подавлен и скучаю по Ставангеру и своей комнате.

Надеваю ботинки и выхожу, направляясь в главное здание. Уже почти выйдя из-за деревьев, растущих между лодочным домиком и основным участком, я неожиданно вижу Миллу в ее кабинете. Она склонилась над столом, лицом вниз, руки вытянуты вперед. Глаза широко раскрыты, а рот открывается и закрывается, словно в припадке.

Я делаю шаг из тени деревьев и вижу человека, стоящего за Миллой. Он тянет ее за волосы, держит несколько секунд и отпускает, она падает на стол. Выражение лица Миллы меняется с внезапного страха на экстаз. Как только он снова поднимает ее, на ней рвется блузка, и одна грудь выпадает. Йоаким хватает ее свободной рукой и сжимает.

Вдруг Милла смотрит как будто прямо на меня. Йоаким выпускает грудь и хватает ее за горло. Милла широко раскрывает рот, тело напрягается. Прямо перед тем, как она уже вот-вот потеряет сознание, Йоаким отпускает ее горло. Он крепко держит ее за волосы другой рукой, так что Милла висит, склонившись над письменным столом.

Только теперь я понимаю, что она смотрит не на меня, а сквозь, в темноту за мной. Вскоре Йоаким разжимает руку, и Милла с тяжестью падает обратно на стол, а Йоаким отходит назад, в тень.

Я стою еще некоторое время, пока наконец не направляюсь к дому. Через стеклянную дверь в пристройку я снова вижу Миллу. Она занята, застегивая блузку, и отворачивается, увидев меня.

— Вам что-нибудь нужно? — Йоаким проводит рукой по тонким осветленным волосам, появившись в дверном проеме.

— Чемодан, — отвечаю я. — Я забыл его в коридоре.

— Подождите здесь. — Он исчезает за дверью в кухню.

Я делаю шаг в сторону пристройки, но останавливаюсь, увидев Миллу за стеклянной дверью. Она опускает шторы, и я слышу щелчок замка. Вскоре возвращается Йоаким с моим чемоданом.

— Извините, — начинаю я. — Я не хотел...

— Вы все не знаете, какая она. Что ей нужно.

— И что же ей нужно? — спрашиваю я, когда мы достигаем деревьев между главным зданием и лодочным домиком.

Йоаким останавливается передо мной и взбирается на пригорок, чтобы стать почти одного со мной роста. Он улыбается. Его зубы светятся в полумраке.

— Терять контроль.

Он качает головой, когда я ничего не говорю в ответ. Затем сходит с пригорка и продолжает. — Таким как Милла, требуется особый тип *människa* *. Особый тип мужчины, не...

— Да, я понял, — отвечаю я. — Не такой, как я.

Йоаким молча продолжает шагать между деревьями.

— Или Роберт, — заканчиваю я.

— Что?

Он останавливается. На этот раз не нашлось холмика, на который можно было бы встать, поэтому он отступает на шаг назад, как будто это поможет уменьшить разницу в росте.

— *Vas sa du?* **

— Вы сказали во множественном числе. «*Вы все*» не понимаете, какая она. Я предполагаю, что вы имели в виду таких, как я и Роберт?

— Я сразу же понял, что за тип был Роберт. Насквозь его разглядел.

— Выходит, вы неплохо разбираетесь в людях?

— Дружище, боюсь, вы пробудете здесь недостаточно долго, чтобы выяснить это. Вот. — Йоаким опускает чемодан на землю между нами. — Дальше доберетесь сами, — говорит он и направляется обратно к дому.

Глава 10

На следующее утро за завтраком мы с Йоакимом не обменялись ни словом, только краткими взглядами и рукопожатием в коридоре перед нашим с Миллой отъездом.

---

* Человек (*шв.*).

** Что вы сказали? (*шв.*)

— Вот мы и остались вдвоем, — говорит Милла, когда мы садимся в ее машину, чтобы ехать в Хёнефосс.

— Да. — Я сжимаю руль. Я не водил машину с тех пор, как у меня отобрали права более трех лет назад, но не успел рассказать это Милле, когда она дала мне ключи после завтрака.

— Раньше я обожала путешествовать, — Милла поворачивается ко мне и улыбается. — По мировым книжным ярмаркам, на шоппинг и на выходные в большие города.

— Расскажите о вашей книге. — Я уже решил, что мне нравится голос Миллы. Мягкий и зрелый, он не заполняет все окружающее пространство. Мне показалось, что Милла не из тех людей, кто требует всеобъемлющего внимания во время своей речи. Достаточно того, что ты здесь, и слушаешь так, как удобно тебе.

— Речь пойдет о младшей дочери Августа Мугабе, — начинает Милла. Асфальтовая дорога змеей ползет через старый лес и голые злаковые поля под серой крышкой неба. — Я хочу показать читателям Мугабе, каким он был до встречи с Йертруд. Из тех времен, когда он был с женщиной, от которой у него ребенок. Но она не захотела быть с ним и забрала ребенка, бросив Мугабе до того, как он успел сделать ей предложение.

— Интересно, — бормочу я.

— Думаю, я бы хотела сделать его немного похожим на вас, — Милла поворачивается ко мне, и улыбка сползает с ее лица, когда она смотрит на изуродованную сторону моего лица в ожидании реакции.

— А? — спрашиваю я, не отрывая взгляд от дороги.

— Более молодую версию, конечно. — Милла слегка смеется. — Короткостриженный, с глазами серыми, как эти тучи. — Она хихикает. — Так я представляю ваши глаза. До того, как их поглотила серьезность.

— До шрамов?

Ее взгляд останавливается на рваных бороздах на моем лице.

— Мне нравятся шрамы, — говорит она и протягивает руку, так что кончики ее пальцев слегка касаются линии повреждения. — И те, которые могут увидеть все, и те, что внутри.

— Я бы с удовольствием избежал большинства из них, — сухо отвечаю я.

— О? — она отводит руку. — Каких?

— Камилла, жена Роберта, — начинаю я и вижу, как взгляд Миллы становится жестче, она как будто отдаляется. — Вы ее знали?

— Едва. — Милла отворачивается к окну. — Мы видели Камиллу несколько раз, Роберт привозил ее с собой в загородный дом в Тьёме, но я не могу сказать, что знала ее.

— Вы говорили, она жить без него не могла.

— Да. Роберт тогда только съехал. Нашел квартиру. Он был хорошим мужем, не из тех, кто просто сбегает, когда жена заболевает. Вы не должны так думать. Он старался изо всех сил. Но в конце концов не выдержал. Он сказал, что не может оставаться там в ожидании ее смерти. Это было бы несправедливо для них обоих. — она почти что прижимается к стеклу, словно пытается сфокусироваться на чем-то между деревьев.

— Она хотела забрать его с собой в потусторонний мир. Играть в карты и пить чай с духами? — хмыкаю я.

— Не говорите так. — Я вижу, как ее рот искривляется.

— Простите, — бормочу я, когда мы проезжаем мимо небольшой промышленной зоны с мокрыми краями обочин и травой, припудренной серым слоем асфальтовой пыли.

— У нас с Робертом была игра, — вдруг начинает Милла, слегка прислоняя голову к стеклу. Большие земельные угодья, только что засеянные поля появляются справа, в окружении отдельно стоящих ферм с сараями, постройками, агротехникой, силосными башнями и то тут, то там сложены по краям распоротые тракторные яйца* с торчащим нутром. — Игра «А что если?», так мы ее называли. Мы просматривали информацию и прокручивали в голове, искали, что можно было бы использовать для сюжета книги.

— Август Мугабе тоже ищет двух пропавших из детдома девочек?

— Нет. Он ищет свою дочь. Она исчезла, когда ей было семнадцать. В то время Август встретил Йертруд. Август не знал дочь, ее мать запретила ему общаться с ней, но Август следил за ней некоторое время, не осмеливаясь подойти. И когда он наконец был готов сделать шаг навстречу и познакомиться, она пропала. События последней книги будут происходить в двух временных отрезках, в одном Август моложе, тогда его дочка и исчезла, и второй сейчас, двадцать лет спустя, когда он возобновляет поиски.

— Он найдет ее? — Запах весны и свежевскопанной земли просачивается сквозь вентиляционные фильтры машины. Милла поворачивается ко мне и изображает подобие улыбки. — Я еще не решила, чем закончится книга.

— Значит, никто ничего не слышал о девочках уже почти семь месяцев, — я сменяю тему и убавляю кондиционер. — Малообещающе.

— Вы думаете, они мертвы? — В ее голосе тут же появляются резкие нотки.

---

* Тракторные яйца — рулоны сена, упакованные в белый пластик.

— А это играет какую-то роль?

Она снова смотрит на меня.

— Да.

— Почему?

Она останавливает взгляд на изборожденной шрамами стороне моего лица.

— Расскажите мне о ней, о той женщине, которая по вашей вине погибла в автомобильной аварии. Вы ее любили?

Я качаю головой.

— Я больше о ней не думаю, — отвечаю я, хоть это и чудовищная ложь. Полгода назад я пытался переправиться к Фрей, но ничего не вышло. Шесть месяцев с тех пор, как я видел, касался или ощущал ее холод на своей коже, но это не значит, что я перестал о ней думать. Время идет, а тоска не ржавеет и не увядает. Стремление к смерти приносит боль, и нужны лекарства, чтобы ее унять, пока вы стремитесь все ниже и ниже по спирали. Бывали дни, когда в поздние ночные часы в моей комнате я представлял себе, пытался найти вход в спираль, но не успевал дойти туда до того, как утренний свет начинал пробиваться сквозь шерстяной плед на окнах гостиной. Ульф говорит, это знак того, что мне становится лучше, хотя я сам думаю, дело в нехватке правильной мотивации.

— Я так не думаю, — шепчет Милла и наклоняется ближе ко мне. — Я знаю, каково это, Роберт...

— Я не Роберт Риверхолт, — холодно отвечаю я и передвигаю руку выше на руль, чтобы плечо закрыло шрамы.

Милла долго на меня смотрит.

— Да, — шепчет она, снова отводя взгляд в окно. — Вы не он.

Часть II

ТЕ, КТО ЛГУТ

Глава 11

— Почему они вообще согласились поговорить с нами? — спрашиваю я и включаю поворотник, увидев вывеску «Окермюр» — название детского дома.

Мы почти ничего не сказали друг другу за всю оставшуюся дорогу. Милла кажется напряженной, беспокойной, но это не из-за нашего разговора, дело в чем-то другом. Я замечаю, что с каждым километром все больше и больше погружаюсь в уныние, не только из-за того, что она отвечает на все мои вопросы встречными вопросами обо мне, но и потому, что есть нечто в этом задании, в этой поездке, что мучает меня, что не сходится. Но я не понимаю, что именно, и меня это раздражает.

— Они думают, что смогут помочь, — отвечает она, пока я паркую машину у главного входа и выключаю двигатель. — Таким способом пытаются держать дело наплаву, не терять надежды.

— Что по этому поводу говорят следователи?

Милла отстегивает ремень безопасности и берется за ручку двери.

— Они считают, все в порядке.

— Вы уверены? Полицейские, насколько я знаю, обычно не особенно рады такому вмешательству.

— А эти не против.

Я печально качаю головой, видя нежелание Миллы рассказать хотя бы что-нибудь.

— Мы и с ними поговорим в этой поездке?

— Возможно, — говорит она, и мы выходим из машины.

Детский дом «Окермюр» — заурядное одноэтажное здание, расположенное в конце съезда примерно в пятнадцати метрах от шоссе 7 в сторону Веме и Сокона. На лестнице нас встречает высокая худая женщина лет пятидесяти. Лицо Карин, так ее зовут, покрытое заметными морщинами заядлой курильщицы, обрамляет желтая от никотина прическа-боб, из-за которой лицо кажется не в меру вытянутым, а глаза слишком близко расположенными.

— Вы... Милла Линд, верно? — спрашивает Карин и осторожно протягивает Милле руку.

Милла улыбается, и морщины на лице Карин слегка разглаживаются. Она тоже улыбается в ответ.

— Заходите, заходите, — говорит она, показывая дорогу. — Давайте пройдем в общую комнату, во время школьных занятий ею никто не пользуется.

— Здесь живет много подростков? — спрашиваю я, когда мы идем по широкому коридору и проходим мимо комнаты самодеятельности и музыкальной комнаты, судя по табличкам.

— У нас есть отделение опеки и интернат временного пребывания. — Карин останавливается у приоткрытой двери. — В данный момент заселены шесть

комнат. — Она вдыхает через нос и открывает дверь до конца. — Вот наша общая комната. Проходите.

Внутри мини-кухня с журчащей кофе-машиной, а напротив комплект мебели из «ИКЕИ», состоящий из обеденного стола и окружающих его со всех сторон коричневых диванов. Общая комната современно обставлена, и тем не менее в ней витает какой-то своеобразный запах, напоминающий мне запах тюрьмы или психушки. Моя квартирка под городским мостом в Ставангере имеет тот же запах. Мне кажется, что отсутствие какой-то важной составляющей приводит к тому, что в подобных местах, где множество людей проходит через одни и те же двери, всегда пахнет одинаково.

— Вы работали здесь, когда пропали девочки? — спрашиваю я, когда мы устраиваемся за столом. Карин с одной стороны, мы с Миллой — с противоположной.

— Да. Я еще и дежурила, — отвечает Карин. — Кстати, вы хотите кофе? Мне кажется, он как раз готов.

Я киваю, а Милла вежливо отказывается. Карин встает и идет к мини-кухне, берет две ярко-желтых кружки и наливает кофе.

— Что вы можете рассказать о девочках? — спрашиваю я, улыбаясь, когда она протягивает мне одну из кружек и снова садится.

Взгляд Карин останавливается на Милле, она упирается локтями в колени и держит кружку так, что пар от кофе идет ей прямо в нос. — Сив и Оливия познакомились здесь и очень подружились. Сив приехала позже Оливии, она была тут на «разгрузке»* и время от времени жила у родителей в Хёнефоссе.

---

* Круглосуточный присмотр с целью разгрузки семьи.

— Они уже убегали раньше, — продолжаю я, — на Ибицу?

— Да. Год назад. Но в тот раз они позвонили домой через неделю. Мне кажется, девочки немного испугались своей затее. Во всяком случае, они обрадовались, когда мы приехали туда и забрали их.

— Вы могли бы рассказать, что помните из того дня, когда девочки исчезли? Я имею в виду, из последнего дня, который они провели здесь прошлой осенью.

— Мы заметили их отсутствие только после обеда, когда они не вернулись домой из школы, — начинает Карин. — Позже мы узнали, что один из наших мальчиков видел, как они садились в машину прямо здесь, у автобусной остановки.

— Они собирали вещи? Брали с собой то, что им не нужно для обычного дня в школе? — Я бросаю короткий взгляд на Миллу, кажется, она не слушает, молча и неподвижно сидя на диване рядом со мной и глядя в окно за спиной Карин на постепенно голубеющее и светлеющее небо.

— Всего несколько предметов одежды и личных вещей. Не так много, как в прошлый побег.

— Что вы сделали, когда поняли, что девочки пропали?

— Ну, конечно же я позвонила в полицию.

— Тот мальчик, который видел их, — продолжаю я. — Он все еще живет здесь? — Я замечаю, что задаю вопросы как попало, им не хватает последовательности, они слишком разбросаны. Я все время жду, что Милла вступит в игру, начнет спрашивать о том, что ей нужно для книги, но она ничего не говорит, только сидит с выражением лица, меняющимся от до смерти

перепуганного до отсутствующего, она здесь и вместе с тем что-то удерживает ее вдалеке от нас.

— Да, — отвечает Карин. Она бросает взгляд на Миллу и ставит кружку на стол. — Но сейчас он в школе, — добавляет она. — Кажется, она замечает, что Милле несколько нездоровится.

Раз Милла не выказывает желания поучаствовать в разговоре, я решаю продолжать задавать вопросы, не имея другой цели, кроме как удовлетворить собственное любопытство.

— Вы говорили, что общались с предыдущим консультантом Миллы, Робертом Риверхольтом? — начинаю я. — Сразу после того, как пропали девочки.

— Да, прошло не больше пары дней. Он рассказал, что про них, возможно, снимут программу для телевидения, и что сама великая Милла Линд будет... — она покашливает и снова берет в руки кружку и поднимает ее к лицу. — Я хочу сказать, я была в ужасе, когда узнала, что с ним случилось. Я успела пообщаться с ним только раз...

— У вас сохранилось что-то из ее вещей? — Милла вдруг прерывает Карин. На ее лице пролегли борозды, похожие на русла высохших рек. Как будто ее коже перестало хватать влаги, и она иссушилась в считанные минуты.

— Чьих вещей? — удивленно спрашивает Карин.

— Оливии.

— Э-э, да. Думаю, да, но...

— Можно мне взглянуть на ее комнату?

— Я... — Карин делает вдох и немного наклоняет голову набок. — Зачем? По словам Кенни, у меня сложилось впечатление, что...

— Кто такой Кенни? — удивленно спрашиваю я и поворачиваюсь к Карин.

— Прошу прощения, — Милла шмыгает носом и резко встает с дивана. — Я этого не выдержу. — Она спешит к выходу и исчезает за дверью.

— Что происходит? — спрашиваю я, догнав ее у машины. — Мы все-таки ведем расследование?

— Нет. — Милла резко поворачивается ко мне. Ее лицо серое, глаза влажные, она вот-вот разразится слезами. — Но если бы мы сделали это. Если мы... — Милла с силой прикусывает нижнюю губу, а ее взгляд мечется между мной и автобусной остановкой.

— Тогда я бы сказал, что это странно, — наконец отвечаю я.

— Что? — Милла смотрит на остановку, прижав руки вплотную к груди, словно внизу притаилось что-то пугающее. — Что странно?

— Что две пятнадцатилетние девочки просто садятся в незнакомую машину и исчезают. Что все считают, будто девочки добрались до Испании, не оставив ни единого следа по пути. Что их телефоны не использовались с момента их исчезновения. — Чуть помедлив, я продолжаю. — И что это всего лишь исследование, которым вы с Робертом занимались ради книги.

Милла собирается что-то сказать, но передумывает.

— Пойдемте, — наконец бросает она. — Мы должны поговорить с матерью Сив, а то можем опоздать. — Затем она спешит к машине и садится на пассажирское место.

Весеннее солнце освещает ели и землю вдоль дороги. Я глубоко вдыхаю свежий воздух, ощущаю, как он проходит сквозь меня, не оставляя никаких впечатлений, иду к машине и сажусь. Милла явно что-

то скрывает от меня, и я не знаю, как долго смогу участвовать в этом представлении прежде, чем сяду в самолет и улечу домой. Вместе с тем мне не нравится мысль о том, что я уеду, так и не узнав, что, собственно, покидаю.

Глава 12

Сив сидит в машине сзади меня, посередине сиденья. Я вижу ее в зеркале заднего вида. Она пристально уставилась в мобильный, пока автомобили, автобусы, трейлеры, машины доставки, наматывающие километры каждый день из области в город и обратно, раздраженные родители, которым надо успеть сдать своих детей, чтобы попасть наконец на работу, заполнили дорогу в обе стороны. Вообще-то я не люблю поездки на автомобиле. Это наводит меня на мысли о животных, которых перевозят в темных трейлерах, и они даже не знают, что их ждет по прибытии. Но на этот раз все по-другому. На этот раз я знаю, что меня ждет, когда мы доберемся до места.

— *Ждешь не дождешься?* — спрашивает Сив, подняв глаза от мобильного.

— *Да,* — отвечаю я, когда мы проезжаем мимо автобусного кармана, где шофер, сидя на корточках, заглядывает под колеса припаркованного трейлера.

Я до сих пор помню свою первую поездку, самую тяжелую из всех. Мы сидели за кухонным столом, солнце светило в окно, и во всей квартире было очень жарко. По ее виду я поняла — что-то не так. Она была так далеко отсюда, хоть и сидела рядом со мной. Она осталась на лестнице, когда мужчина

повел меня к машине. Казалось, ее лицо, ее карие глаза и теплые руки утонули в солнечном свете. Мама, я никогда тебя не спрашивала. Ты улыбалась, потому что тебе было грустно, или ты была рада?

Глава 13

Родители Сив живут в красном доме, построенном еще в восьмидесятые, с вальмовой крышей и цокольным этажом, наполовину возвышающимся над землей. В дверях нас встречает мать Сив, у нее короткие прямые выкрашенные в черный цвет волосы. Она напоминает мне Лиз. Однако она не выказывает характерного для моей сестры страха при встрече с незнакомыми людьми в дверях.

— Здравствуйте, меня зовут Сюннёве. — Она трясет руку Миллы, а глаза ее сияют от радости узнавания и личного знакомства.

— Торкильд Аске, — представляюсь я, когда она наконец отрывает глаза от Миллы.

— Да, да, проходите, пожалуйста, — говорит Сюннёве и кивает. — Не обращайтесь внимания на беспорядок. Мой муж сейчас на работе. Кстати, кофе уже готов. И вода для чая, — добавляет она. — Муж настоял на том, что мы непременно должны подать чай, так как все художники, очевидно, предпочитают чай черному кофе. Я купила множество разных видов. — Она прижимает руки к груди, стоя в проеме между коридором и гостиной.

— Спасибо, звучит замечательно, — говорит Милла, когда ей наконец удастся повесить верхнюю одежду и проследовать за Сюннёве к накрытому столу, посреди которого стоит огромная стеклянная миска с чайными пакетиками всевозможных цветов. В центре комна-

ты на полу в корыте свалено грязное белье, и еще куча грязной одежды висит на спинках стульев, расставленных вокруг стола. Вся гостиная пропахла смесью свежего цитруса и сырой одежды.

— Сив же моя старшенькая, — произносит Сюннёве, наливая в чашки горячую воду и кивая в сторону тарелки с нарезанным лимоном. — Она была единственным ребенком до того, как пошла в школу. Тогда у нас родились близнецы. — На мгновение она медлит и опускает глаза, задумавшись. Затем снова поднимает взгляд на Миллу. — С тех пор она и начала меняться, стала озлобленным, трудным ребенком.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я. У Миллы в глазах снова появился тот тусклый блеск, словно она ищет, на чем сфокусироваться, как будто борется с собой, чтобы держать контроль над своими чувствами.

— Она терпеть не могла мальчиков. — продолжает Сюннёве. — Не хотела играть с ними, злилась и ревновала, когда я кормила их грудью. Позже все стало только хуже. Сив сделалась невыносимой, не только в общении с братьями, но и в школе, и в конце концов нам пришлось обратиться за помощью. В семь лет у нее признали расстройство поведения. Когда она пошла в третий класс, мы больше не могли справляться с этим. Организация по охране детства предоставила ей место в детском доме по разгрузке родителей в Окермюре. Она жила там всю неделю и приезжала домой на выходные. — Сюннёве тяжело вздыхает. — Лучше не становилось, но мы просто были не в силах жить с ней под одной крышей, мы просто не могли... Мальчики испытывали страх, когда она была дома... и... и...

Сюннёве еще раз вздыхает. Уголки ее губ грустно опускаются.

— Не так все должно быть, — говорит она. — С собственным ребенком. Вы, должно быть, считаете меня ужасной матерью, которая не может позаботиться о ребенке. Но... Мы с мужем никогда не понимали, откуда в ней берется этот гнев. Что мы такого сделали, что она постоянно злится на нас.

Милла качает головой.

— Должно быть, это было очень непросто.

— У вас есть дети? — Сюннёве склоняет голову набок.

— Нет, — чуть слышно шепчет Милла, и в ту же секунду я начинаю опасаться, что она снова выскочит отсюда и оставит меня одного сидеть тут дураком.

— Одну секунду.

Сюннёве встает и исчезает на кухне. Мы слышим, что там звонит телефон.

— Что с вами? — спрашиваю я, наклоняясь к Милле, пока Сюннёве говорит по телефону на кухне. Между делом она высовывает голову в дверной проем, словно чтобы убедиться — мы не сбежали.

Милла кладет руки на колени, делает глубокий вдох и поворачивается ко мне.

— Извините. Я возьму себя в руки.

— Возьмете себя в руки? Я не понимаю, что...

— Это мой муж звонил. Он только хотел удостовериться, что Милла и правда пришла. Я рассказала ему, что Милла сидит у нас в гостиной и пьет чай. Боже мой, — восклицает Сюннёве и выставляет телефон перед собой, словно трофей. — В это просто невозможно поверить.

Милла с силой моргает несколько раз и выдавливает кривую улыбку, поворачиваясь к Сюннёве.

— Надеюсь, вы передали ему привет от нас.

— Вы тоже думаете, что девочки в Испании? — спрашиваю я, когда Сюннёве опускается в кресло.

Та энергично кивает и улыбается.

— Она позвонит, когда будет готова вернуться. Я знаю это. Она ведь уже делала так однажды. Тогда она испугалась и в слезах позвонила домой маме с папой, попросила забрать ее. — И вновь эта улыбка, навещающая меня на мысль о маске, которую надевают, чтобы скрыть то, что бушует прямо под кожей. — Тогда мы были нужны ей. Просто ей нужно время, и она позвонит. У нас с Йенсом всегда включены мобильные, круглосуточно. В конце концов она позвонит, вот увидите.

— Вы, вероятно, общались с бывшим консультантом Миллы, Робертом Риверхольтом, после исчезновения Сив, — начинаю я, когда вижу, что разговор заходит в тупик.

Сюннёве добавляет воды в чашку, шесть раз нажимает на диспенсер для сахара и помешивает чай.

— Он заходил. Приятный человек. Но с тех пор я ничего о нем не слышала.

— Роберт погиб, — говорит Милла. Она меняет позу, выпрямляется и тянется за чашкой, которая стоит на столе нетронутой. Я вижу, что ее пальцы и ногти белеют, так сильно она сжимает чашку.

— Ну и ну, — Сюннёве хватается за свою чашку, но отодвигает ее от себя и морщит нос. — Но я должна была догадаться, что с ним что-то случилось, когда тот полицейский позвонил мне в дверь.

— Полицейский? — спрашиваю я с любопытством.

— Мы тогда только вернулись из Болгарии. Отпуск был оплачен заранее, до исчезновения девочек, так что мы просто не могли... Но у нас с собой были мобильные, — добавляет она, словно это должно оправдать то, что они уехали отдыхать, пока их дочь числится пропавшей. — Как бы то ни было, — продолжает она, — поли-

цейский оказался у нашего порога, он сказал, что знает, о нашем разговоре с Робертом после пропажи девочек, и хотел выяснить, о чем именно мы говорили.

— Вы помните, как его звали?

— Нет. Увы.

— А вы? — Я оборачиваюсь к Милле. — Вы знаете, кто этот полицейский?

Она качает головой, не глядя на меня.

— Наверняка из тех, кто проводил расследование в связи с его убийством. Роберта же застрелили в тот момент, когда мы заинтересовались этим делом.

— Его застрелили? — спрашивает Сюннёве с выпученными глазами. — Какой ужас!

— Да, — говорю я. — Его бывшая жена. Похоже на open and shut case*. — Я удрученно качаю головой, когда вижу, что Милла опять не хочет смотреть на меня, и снова обращаюсь к Сюннёве. — Что-нибудь особенное случилось перед тем, как пропали девочки? Что-то за рамками обычного?

— Мы решили, что снова попробуем забирать ее домой на выходные. Что Сив сможет жить здесь каждые вторые выходные, как мы делали раньше. Мы уже попробовали несколько раз, Сив была доброй, держалась молодцом, но ведь оставшуюся часть недели она была с этой Оливией. — Ее взгляд вдруг стал жестче. — Я сказала им, когда она приехала домой в первый раз, что моя Сив не должна проводить время с ней. Что от нее одни неприятности. Но они не хотели слушать.

— Вы с ней встречались? — вдруг с интересом спрашивает Милла. Словно что-то пробудило в ней любопытство. — С Оливией?

---

* Очевидный случай (англ.).